

Первое появление Коу Цзинцзина

Управляющий Сюй вернулся в поместье Коу, бережно неся футляр с картиной.

Покойный хозяин поместья, Коу Минь, при жизни славился в этих краях как человек необычайной доброты. В отличие от тех, кто, обретя власть и богатство, начинал притеснять соседей, он строил мосты, чинил дороги и не скупился на милостыню. Округа платила ему искренним почтением: даже после смерти господина арендаторы исправно вносили плату, никогда не допуская недоимок.

— Господин управляющий, наконец-то вы вернулись! — к Сюю подбежал круглолицый слуга; по его взволнованному виду было ясно — он ждёт у ворот уже давно. — Юный господин проснулся в полдень и с тех пор только и зовёт вас. Как мы ни старались его утешить — всё без толку.

— Где он сейчас? Я немедленно иду к нему, — старик не на шутку встревожился.

Мальчик приехал из далёкой столицы, и здесь, в глуши, он доверял лишь ему — преданному управляющему, которого знал с малых лет. Перед смертью барышня дала вольную всем своим слугам, желая тем самым совершить благое дело ради сына, но Сюй понимал истинную причину: она не верила столичным людям, опасаясь, что они могут навредить её Юй-эру.

— Юный господин заперся в своей комнате и никого не впускает.

Старый слуга прибавил шагу. Круглолицему юноше приходилось почти бежать, чтобы не отстать от него.

Сюй трижды коротко постучал в дверь.

— Юный господин, это дедушка Сюй. Открывайте скорее. Посмотрите, что я вам принёс.

Из-за двери донёсся робкий, едва слышный голосок:

— Это и вправду дедушка Сюй?

Мальчик явно был напуган и расстроен.

— Конечно, это я. Откройте и убедитесь сами. Разве я когда-нибудь обманывал вас?

Дверь приоткрылась на узкую щель, и в ней показалось пухлое личико с детским пучком волос на макушке. Увидев знакомого старика, Чжунли Юй настежь распахнул дверь и, бросившись к нему, горько разрыдался.

— Я думал... я думал, дедушка Сюй тоже... как матушка... бросил Юй-эра... — всхлипывал ребёнок.

Весь день он не находил себе места. Он боялся чужих людей, поэтому заперся в четырёх стенах и долго плакал, прижимая к себе те гнусные страницы из книжонки с портретом матери.

— Юный господин такой послушный, разве мог бы я вас оставить? Не только я — все в этом доме любят вас. Посмотрите сами.

Слуги, стоявшие поодаль, тут же расплылись в широких улыбках, стараясь понравиться Чжунли Юю. Но их чрезмерное рвение принесло лишь обратный результат: малыш испугался ещё больше и сильнее вцепился в одежду Сюя.

Старик завёл воспитанника в комнату, намочил полотенце и осторожно вытер его заплаканное личико.

Управляющий был старше покойного Коу Миня. Всю жизнь он прожил бобылём и втайне давно считал барышню и её брата своими родными детьми. Ему повезло — семья Коу была на редкость благородной, и господа никогда не относились к нему как к простому рабу. Вот только верна пословица: добрые люди долго не живут, а лихо на тысячи лет остаётся...

Теперь в этом доме остались лишь Коу Цзин да маленький Юй-эр. Сюй поклялся себе, что приложит все силы, чтобы защитить малыша и не дать его в обиду.

— Юный господин, вы ведь очень скучаете по матушке?

— Да! — Чжунли Юй часто закивал. Там, в столице, только мама любила его по-настоящему, а все остальные казались ему злыми и чужими.

Старик открыл деревянный ларец, извлёк свиток и медленно развернул его перед мальчиком. Ребёнок замер. Его рот смешно открылся, а глаза округлились.

— Это... это моя матушка? Какая она красивая!

В его памяти мама почти никогда не улыбалась. Её лицо всегда оставалось бесстрастным, она предпочитала одежду неброских цветов и порой напоминала ледяное изваяние, от которого веяло холодом и отчуждением.

На этой же картине мама была в ярко-алом наряде, с лучистой улыбкой, а на её щеках красовались такие же ямочки, как у него самого. Значит, он и впрямь мамин сын — они ведь похожи как две капли воды!

Видя счастливый блеск в глазах ребёнка, управляющий облегчённо вздохнул. Сердце его наполнилось тихой радостью. Ведь именно такой барышня была когда-то — весёлой и доброй девочкой, пока жизнь в столице не превратила её в тень самой себя.

«Если бы мы тогда просто считали того человека мёртвым и не искали его... Семья Коу не пришла бы к такому печальному концу»

Сюй повесил картину в кабинете, хотя Чжунли Юй поначалу противился этому. Мальчик хотел, чтобы портрет висел в его спальне — так мама могла бы приглядывать за ним по ночам.

Но старик мягко возразил:

— Барышня при жизни больше всего заботилась о вашем учении. Пусть матушка смотрит, как вы прилежно читаете и пишете здесь, в кабинете.

Малыш надул губки. Ему показалось, что дедушка Сюй намекает на то, что в последние дни он совсем забросил книги.

Юный господин поднял взгляд на портрет и про себя поклялся:

«Завтра же непременно примусь за учёбу»

Управляющий погладил его по голове, мысленно обращаясь к покойному господину:

«Хозяин, вы видите? Я вернул барышню и её сына домой. Теперь вы можете покоиться с миром. Осталось лишь дожидаться молодого господина — и наша семья снова будет в сборе»

***

На государственном тракте близ области Ганьчжоу бешено летел конь, выбивая копытами облака дорожной пыли.

В лучах заходящего солнца фигура всадника казалась одинокой и преисполненной суровой решимости.

Он спешил на похороны.

В памяти ещё свежа была та дождливая ночь три года назад, когда он точно так же, не жалея коня, мчался домой. Тогда умер его отец. Теперь — сестра.

Коу Цзин не понимал, почему все беды мира обрушились именно на их дом. Быть может, прав был тот бродячий гадатель, сказавший, что в его судьбе заложено проклятие: рождённый под зловещей звездой, он погубил мать при рождении, лишил отца любимой жены, а сестру — материнской ласки.

Тот прорицатель хотел забрать его, чтобы «очистить» судьбу, но ни отец, ни сестра не согласились. Уходя, старик лишь бросил на прощание:

— У этого дитя слишком жёсткий жребий. Если оставите его — ждите беды.

Близкие не поверили, но, опасаясь козней гадалея, отвезли мальчика на гору Пусянь, в храм Лингуан, к настоятелю Юаньсиню. Мастер, едва взглянув на ребёнка, подтвердил: в его судьбе слишком много мужской энергии Ян, и её необходимо подавить, дав ему женское имя.

Так отец назвал его Цзин — «Тихий».

Родные души в нём не чаяли. Несмотря на раннюю потерю матери, они жили в мире и согласии. Однако в последние годы дом Коу словно преследовал злой рок. Сначала на пути в столицу, куда юноша ехал на экзамены, на него напали разбойники. Лезвие ножа полоснуло его по щеке, оставив глубокий шрам — и тем самым наввсегда закрыло ему путь к чиновничьей карьере: калекам запрещалось занимать государственные должности.

Затем отец, не выдержав череды ударов, угас в самом расцвете сил. И вот теперь — сестра.

«Кто станет следующим?»

От этой мысли лицо Коу Цзина стало ещё более мрачным. Четыре года воинской службы превратили утончённого книжника в закалённого мужчину. Аура, исходившая от него, была напитана кровью и порохом полей сражений; одного его взгляда было достаточно, чтобы вселить ужас в сердца слабых.

«Возможно, такому, как я, место на поле боя — защищать границы, а не тешить себя надеждой на тепло семейного очага, губя одного близкого человека за другим»

Если бы здесь был Чу Цы, он непременно сказал бы:

«Друг, долой суеверия! Все эти роковые звёзды и проклятия — лишь способ обмануть доверчивых. Только глупец поверит в такую чушь!»

<http://bllate.org/book/15354/1420154>